

Остановись, мгновение!

ЕВРОПА обращалась к японской культуре, стремясь отойти от житейского, неподобия в искусстве, постигая Условность, утонченную, изысканную красоту, непрямые, опосредованные пути воздействия на зрителя. Московские гастроли (увы, кратко!) японской труппы Тадаси Сузуки со спектаклем «Дионис» (вариация на темы «Вахханок» Еврипида) дали нам нечто совершенно иное — мощный заряд жизненной силы, непосредственное, прямое

воздействие энергии актеров на зрительный зал. И как раз тогда, когда отечественные театры, за редким исключением, будто сговорились поддерживать в зрителях состояние вялого ожидания, оцепенения, в которое мы все и так погружены. В нашем театре отношения сцена — зал напоминают купание в море, где температура воды равна температуре воздуха и тела. Японцы же как бы острым раскаленным клином вторгались в инертную твердь. Их физическая жизнь на сцене была столь напряженной, а интенсивность жесты, пластики, речи столь высокой, что ре-

акции зала становились столь же концентрированными. Это было больше чем просто хороший спектакль. Это был некий сеанс излучающего Искусства, ритуал служения многим богам, в котором публика охотно принимала участие.

А между тем исходные позиции гастролей вовсе не казались благоприятными. Во-первых, московские театры не слишком доверчиво устремляются в неизвестность, а труппа «Сузуки компани оф Тога» широкой известностью в Советском Союзе не пользуется, да и в рекламе устроители не особенно преуспели. Во-вторых, гости играли без перевода, хотя текст отводился в спектакле едва ли не решающая роль. Именно с великими текстами Европы и ищет встречи Тадаси Сузуки в отличие от многих европейских режиссеров, пренебрегающих текстом как составной частью спектакля. И в-третьих — лето, конец недели и дорогие билеты.

Тем не менее зал Новой сцены Театра на Таганке был полон: адми-

нистрация Школы драматического искусства под руководством А. Васильева (этот московский театр явился организатором гастролей) продемонстрировала свою профессиональную компетентность. О высокой культуре предприятия свидетельствовали прекрасные афиши и буклеты...

Гости не торопились понравиться. Ваххическое безумие скрывалось за невозмутимостью лиц-масок, за неторопливостью монологов, за упорядоченной простотой оформления: несколько плетеных стульев в ряд... Но уже зацепили внимание зрителей странноватые Молящиеся на инвалидных колясках в современных костюмах, кто в темных очках, кто с транзистором. Быстро перебирая крепенькими босыми ногами, они ловко, без помощи рук раскатывали по сцене, маневрируя, как на автобане. И этим странным явлением («возможно, они — душевнобольные», — написано в либретто) открывались как бы двери в другой мир — мир не-

сбыточных и мстительных мечтаний старика Кадма, где всякий раз основные вехи действия будут отмечаться тоже прохождениями персонажей. Не зря на своем открытом уроке в Школе драматического искусства Тадаси Сузуки занимался как раз вариантами походки, разными способами хождения. Объединяло их одно: необычайная сосредоточенность актеров и актрис, предельная энергичность исполнения, фиксированность каждого элемента движения, как в технике восточных воинов единоборств.

Не забыть прохода яростных, как Валькирии, Вахханок. Навстречу друг другу, из кулисы в кулису. В ярко-красных длинных одеждах, слишком длинных и слишком широких, так что объем их и длину все время приходилось преодолевать. Как преодолевали актрисы и собственную хрупкость — мощностью жеста, и женственность — полной от нее отрешенностью. Не забыть вкрадчивого кружения Жрецов Диониса. И убийства несчастливого Пенфея, когда с каждым

новым пронзающим ударом их мечей он неестественно оседает, обвиваясь вокруг своего посоха, повторяя его изгибы. Не забыть выхода обезумевшей матери убитого Пенфея Агавы. С головой сына в руках, недвижна и прекрасна, она произносит свой длинный монолог с такой нечеловеческой силой и с такой нечеловечески точной и энергичной артикуляцией, что вас из зрительного зала вытягивает в этот непонятный монолог, как в омут, как в песчаный вихрь. И потом, поскольку финал уже близок, наступает разрядка, ослабление, странная легкость, как будто с тебя сняли тяжкий груз и жесткий ошейник. Это и есть катарсис. Я испытала это неведомое состояние, атрибут древнегреческой трагедии, на японском спектакле вместе с другими его зрителями.

Ирина МЯГКОВА.